

Услышав о способах расторгнуть помолвку, Лю И лишь неопределенно хмыкнул. Помолчав немного, он перевел разговор на деловой лад:

— Оставим это. Расскажи лучше, что творится в столице.

Цзян Фэньюй на мгновение задумался.

— Государь в добром здравии, — заговорил он. — Наследный принц и Третий принц идут ноздря в ноздю, так что в верхах пока затишье.

Лю И надолго задумался, нахмутив брови.

— Коли так, зачем тогда мою семью спешно отозвали в столицу?

— Чужая душа — потемки, а императорская — и подавно, — Цзян Фэньюй отпил чаю и многозначительно добавил: — Но поговаривают, будто твоей сестре, Сяо Юэ, пришло время определяться с замужеством.

Лю И об этом знал. Влияние семьи Лю росло, и неудивительно, что вокруг замужества его сестры Лю Юэ закрутились интриги — слишком лакомым куском она казалась при дворе. Столичные группировки схлестнулись не на шутку, и лишь когда противостояние зашло в тупик, стороны пошли на компромисс, выставив вперед Ци Цзяня.

Император поначалу колебался, взвешивал все за и против. И вдруг — как гром среди ясного неба: мало того что утвердил помолвку, так еще и самого Лю И сосватал!

Впрочем, дело сделано, и сокрушаться поздно. Да и какая теперь разница, почему государь принял столь нелепое решение?

— Ладно, пустое, — Лю И мотнул головой, отгоняя мысли. — Расскажи лучше о раскладе сил при дворе...

Цзян Фэньюй молча ждал продолжения.

Лю И запнулся на полуслове и прикусил губу.

— Фэньюй, скажи мне честно... Он действительно сам пошел к императору просить о женитьбе?

Лицо Цзян Фэньюя мгновенно потемнело.

— А то кто же! Кроме него на такую наглость никто бы не решился.

Уж в чем в чем, а в беспардонности Ци Цзяню не было равных. Цзян Фэньюй втайне признавал: соберись они втроем — Наследный принц, Третий принц Хуа Цюн и он сам, — им бы все равно не хватило наглости переплюнуть этого пройдоху.

Лю И удивленно захлопал ресницами. Ему никак не верилось, что молчаливый, скупой на слова Ци Цзянь ухитрился переломить волю двора и буквально допечь государя, вынудив того отдать ему в супруги старшего сына прославленного полководца, едва вернувшегося с победой.

— И не сомневайся, — вздохнул Цзян Фэньей. — Сам, все сам, и без всякого заступничества.

Выслушав сухой пересказ о том, как именно Ци Цзянь выбивал этот указ, Лю И всерьез засомневался в собственной памяти.

Тут лихорадочно соображает: тот взбалмошный смутяня, который сегодня устраивает скандал, завтра — безумную каверзу, то осыплет колкостями главного цензора, то без лишних слов столкнет великого воеводу прямо в пруд с лотосами... Неужели это и есть его старый знакомый, благородный и утонченный Ци Цинъюй?

— Представь картину: вваливается он в тронный зал следом за воеводой, с которого вода ручьями течет, и заявляет пред ясными очами государя... — Цзян Фэньей запнулся, подбирая слова.

— И что же он сказал? — Лю И предчувствовал неладное, но в груди вопреки здравому смыслу шевельнулось любопытство.

— Заявил, будто в свое время совратил тебя, а потом бросил, отчего ты в великом горе и сбежал на чужбину, воевать в пограничных землях. А теперь, мол, у него проснулась совесть, и если он не загладит вину и не возьмет тебя в супруги, то искупит грех кровью — прямо здесь расшибет себе лоб о храмовую колонну с драконами. — Уголок рта Цзян Фэньея нервно дернулся.

Лю И долго молчал, переваривая услышанное. Наконец он выдавил:

— Что за нелепица...

Какое-то время они молча пили чай, каждый думая о своем. Наконец Лю И осторожно спросил:

— И что, император вот так взял и согласился?

— Разумеется, нет. Его Величество пришел в ярость и велел запереть этого наглеца в усадьбе под домашний арест.

"Вполне логично," — подумал Лю И и кивнул. Но недоумение лишь усилилось:

— Но почему тогда вышел указ?

— В ту же ночь у Наследного принца Ци начался сильный жар. Три дня он пролежал в беспамятстве, а на четвертый едва пришел в себя и сразу же отправил императору покаянное

письмо. Тайное прошение.

— Хм. Насколько я помню, здоровье у него было отменное, — Лю И опустил глаза. В памяти всплыло, как в детстве они вместе плескались в пруду: Ци Цзяню тогда хоть бы что, а вот сам Лю И потом слег с жестокой лихорадкой.

— Все изменилось после кончины старого князя Ци. Наследник сдал, здоровье пошатнулось. Пару лет назад лекари и вовсе качали головами, советуя готовиться к худшему. Сейчас ему полегче, но он все равно то и дело шлет во дворец прошения об освобождении от дел по болезни.

Лю И промолчал.

Не дождавшись ответа, Цзян Фэньюй продолжил:

— Бог весть, что он там понаписал в своем прошении, но стоило государю дочитать до конца, как он тут же подписал указ о вашей помолвке.

— И император все ему спустил с рук? За столько выходов — ни единого сурового наказания? — Лю И никак не мог взять это в толк.

— Покойный князь Ци в свое время помог императору взойти на престол, а Ци Цзянь — его единственный сын и наследный принц. Государь без памяти его опекает. — Цзян Фэньюй на секунду задумался, подбирая пример. — Посуди сам: как-то раз он вломился в Восточный дворец и избил наследного принца Хуа Цуна. И что же? Государь лишь лишил его жалованья на полгода. Так, погрозил пальцем для виду.

— Да ладно? Избил наследного принца? За что? — Лю И окончательно лишился дара речи. Что за безумие творит этот Цинъюй? Он вообще понимает, что играет с огнем?

— Никто не знает. До этого он грозился уйти в монастырь, два месяца сидел смирно. А стоило ему явиться во дворец с поклоном в первый день после снятия опалы, как он мимоходом разукрасил лицо Наследного принца. — На лице Цзян Фэньюя до сих пор читалось крайнее изумление.

Побои, нанесенные будущему правителю Поднебесной... Если судить по закону, это тянет на государственную измену. И все сошло с рук? Лю И не знал, смеяться ему или плакать.

— И за это... всего лишь лишение жалованья?

Цзян Фэньюй кивнул:

— Видишь ли, сразу после той драки он зашелся кровавым кашлем, рухнул без чувств и полгода балансировал на грани жизни и смерти. А когда поправился, дело замаяли само собой.

Сердце Лю И болезненно сжалось. Слова "баланси́ровал на грани" набатом застучали в висках, но он заставил себя отбросить лишние чувства.

— Постой. Его мать, госпожа Цзян, разве не состоит в родстве с императрицей Цзян? Зачем ему ссориться с наследным принцем?

Цзян Фэнью лишь развел руками — истинных причин не знал никто.

Некоторое время они молча пригубливали остывающий чай. Наконец Цзян Фэнью снова завел прежнюю песню:

— И все же, Ючэнь, неужели ты не попытаешься расторгнуть эту помолвку?

— С чего бы это? — искренне удивился Лю И.

Пусть Ци Цзянь и изменился до неузнаваемости, его дерзкие выходки до сих пор не навлекли на него монарший гнев. А значит, он прекрасно знал, где проходит черта. Лю И горько усмехнулся:

— Раз уж государь так милостив к дому Ци, то и мне, пожалуй, перепадет крупца этого высочайшего покровительства.

Глядя на его беспечную улыбку, Цзян Фэнью нахмурился и решил выложить свой главный козырь:

— Если бы только это... В личной жизни он творит вещи куда более жуткие.

— Да что он еще мог натворить? — Лю И решительно не понимал, какими еще безумствами можно его удивить.

— Говорят, на супружеском ложе... он не знает жалости, — выдавил Цзян Фэнью и густо покраснел.

Лю И недоуменно захлопал глазами.

— Ну, в плотских утехах, — процедил сквозь зубы Цзян Фэнью, у которого от смущения горели уши. — Императрица как-то пожаловала ему благородную наложницу. Так та бедняжка и пары дней в его дворце не выдержала — сбежала без оглядки, до смерти перепуганная.

— Да как он... — Лю И запнулся, так и не найдя слов. В голове набатом билась лишь одна мысль: "Этот мерзавец еще и наложниц заводил?!"

Заметив, как побледнел его друг, Цзян Фэнью обеспокоенно спросил:

— Ючэнь, тебе нехорошо?

— И... у них что-то было? — Лю И прищурился, чувствуя, как внутри закипает глухая ревность.

Цзян Фэньюй на секунду опешил, а когда до него дошел смысл вопроса, покраснел до самых кончиков ушей.

— Да нет же, до этого не дошло, — зашептал он, понизив голос. — Говорят, слухи о его неистовом нраве опередили его самого. Та девица, дочь приличного рода, прожила во дворце князя Ци всего несколько дней в постоянном страхе. Наследный принц Ци в то время даже не соизволил вернуться из загородной виллы, так что она сбежала, даже не дождавшись хозяина. А Ци Цзянь, как узнал, еще и скандал в доме ее родителей закатил.

Вся эта история пахла откровенной клеветой. Весь следующий день Лю И ломал голову над тем, кому понадобилось порочить имя Ци Цзяня и распускать грязные слухи о его якобы необузданном нраве в постели.

— Сяо И, о чем ты так задумался? — Госпожа Лю с укором посмотрела на сына, который уже второй раз подряд потянулся палочками к тарелке с зеленым луком.

Лю И спохватился и поспешно выплюнул злополучный лук.

Госпожа Лю принялась отчаянно подмигивать мужу, но генерал Лю лишь усердно работал палочками, уткнувшись в чашу с рисом и делая вид, что ничего не замечает.

Тогда супруга пребольно наступила ему на ногу под столом. Генерал вздрогнул, поднял глаза и затравленно перевел взгляд с жены на сына.

— Сяо И, твой отец хотел кое-что сказать тебе, — сладко пропела госпожа Лю, продолжая буравить мужа многозначительным взглядом.

Генерал наконец сообразил, чего от него требуют:

— А, да-да! Сяо И, мы с тобой давненько не сидели за кубком вина. Сегодня такой праздничный день, давай-ка выпьем как следует, до дна!

— Полноте, отец. С вашим-то умением пить... Опять матушка потом меня отчитывать будет, — Лю И с притворной покорностью покосился на мать.

— Не буду, не буду! Наливай скорее, составь отцу компанию, — на удивление легко уступила госпожа Лю.

Лю И заподозрил неладное. Первым делом ему пришло в голову, что родители сговорились и

сейчас начнут уговаривать его сбежать от этой свадьбы. Однако время шло, кубки пустели один за другим, но о побеге никто не заикался. Вместо этого они завели разговор совсем о другом.

— Сяо И... Отец перед тобой в долгу, — сокрушенно вздохнул генерал Лю, искоса поглядывая на супругу. — Ты ведь даже полюбить никого не успел...

— Ну не успел и не успел, при чем тут вы, отец? — Лю И окончательно запутался.

Генерал замялся, не зная, что ответить.

— Как это при чем?! — госпожа Лю одарила супруга гневным взглядом и решительно взяла инициативу в свои руки. — Не будь нас, разве пришлось бы тебе жертвовать собой и идти под венец с этим сумасбродным Наследным принцем Ци? Получил бы свободу, встретил бы милого твоему сердцу человека...

С этими словами она осушила свой кубок до дна и махнула рукой дочери:

— Сяо Юэ, ступай к себе. Нам нужно обсудить кое-что важное с твоим братом.

Едва за Лю Юэ закрылась дверь, госпожа Лю сокрушенно вздохнула:

— Ох, Сяо И, несчастное мое дитя... Ты ведь еще и жизни-то не видел, сладости чувств не познал, а уже...

"Ясно," — мысленно вздохнул Лю И. — "Матушка определенно перебрала."

Глаза госпожи Лю затуманились слезами, она ласково погладила сына по голове:

— Помню, когда ты родился, головка твоя на ладошке у меня уместалась... А теперь вот, женишься.

Лю И смолчал, послушно склонив голову.

— Как же мне тяжело тебя отпускать... Сердце кровью обливается, — в голосе матери зазвенели слезы.

Лю И почувствовал, что беседа уходит куда-то не туда, и осторожно взглянул на нее.

— Сяо И, ответь матери честно... Неужели в твоем сердце совсем никто не оставил следа? — Она сочувственно похлопала его по плечу.

Лю И поспешно помотал головой.

— Неужто правда? — всхлипнула госпожа Лю. — Бедный мой мальчик... Двадцать один год разменял, а любви так и не познал. Совсем один... — И по ее щекам покатались крупные слезы.

Спорить с хмельной матерью было делом безнадежным. Понимая, что слезы вот-вот перерастут в настоящий плач, Лю И предпринял отчаянную попытку:

— Матушка, ну полно вам. А если я скажу, что у меня была зазноба, вы успокоитесь?

Госпожа Лю тут же закивала, утирая слезы.

Лю И мысленно выругался и прижал ладонь ко лбу:

— Ну хорошо, только не плачьте. Был... был кое-кто.

Глаза госпожи Лю мгновенно высохли, в них вспыхнуло живейшее любопытство:

— И из какой же он семьи? Кто этот счастливец?

"Да если бы я сам знал," — подумал Лю И. Но отступить было поздно, и он лишь неопределенно покачал головой.

— Как это — не знаешь? — удивилась мать. — Ну а лицом-то он пригож?

Лю И послушно кивнул.

— И как же именно он хорош? Расскажи! — не унималась госпожа Лю.

Сын хранил молчание, лихорадочно соображая, как выкрутиться.

Госпожа Лю прищурилась и с подозрением уставилась на него:

— Ты часом не разыгрываешь меня? Как можно любить человека и не помнить его лица?

Действительно, как описать плод собственной фантазии? Но если он сейчас промолчит, матушка точно почует неладное. Напрягая память и пытаясь выудить хоть какой-то образ, Лю И вдруг вспомнил одну давнюю встречу.

Мысленно попросив прощения у всех богов за ложь, он неуверенно произнес:

— Ясноокая... С белозубой улыбкой.

— И это все? Ну же, Сяо И, поподробнее! — требовала мать.

— Ну... Стан гибкий, одежды белые, легкие, словно облако. Кожа нежная, точно подтаявший снег... — Лю И краем глаза следил за выражением лица матери, судорожно подыскивая поэтические сравнения. — Пальцы тонкие, как молодые побеги лука, а губы — алые, точно спелая вишня.

Госпожа Лю так и расцвела:

— Ох, сынок, у тебя отменный вкус! И кто же он? Благородный юноша из знатного рода или прелестник из простых? Держится величаво или робок и скромн?

"Для особы королевской крови простые сословия явно не годятся," — подумал Лю И. Но назвать статного юношу "девицей" язык не поворачивался. Он запнулся:

— Пожалуй... из знатных.

— Благородное происхождение — это замечательно, — одобрила госпожа Лю, но тут же вновь прищурилась: — Постой, а где же ты его повстречал?

"Да когда же это закончится?!" — взмолился про себя Лю И. Не говорить же ей, что дело было у ворот Императорской академии? Окончательно запутавшись в собственном вранье, он умоляюще уставился на отца.

У генерала Лю от этого взгляда дрогнула рука, и он пролил немного вина на стол.

— Я тебя спрашиваю, чего ты на отца косишь? — госпожа Лю требовательно схватила сына за рукав. — Так где вы встретились? Неужто любовь с первого взгляда?

Лю И, скрепя сердце, кивнул и снова метнул затравленный взгляд в сторону родителя.

Генерал Лю с каменным лицом дрожащей рукой протянул сыну кубок:

— Сынок... Давай-ка лучше выпьем.

<http://bllate.org/book/20072/2001738>